

Оригинальная статья
УДК 141.3; 159.947.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-41-53>

Власть как совокупность уникальных переживаний: частные проблемы философско-правовой теории

Геннадий Константинович Демидов¹, Сергей Иванович Черных²✉

^{1, 2}Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

¹demidov-gk.d@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1823-8769>

²✉serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>

Введение. В статье рассматривается альтернативный подход к пониманию власти как сложного социально-правового и философского феномена. Предлагается отход от классической юридической трактовки власти, представляющей её как систему правовых норм, формирующих государственные институты и переход к пониманию власти как совокупности уникального опыта (переживаний), лежащего в основе формирования регулирующих правил.

Методология и источники. Исследование базируется на анализе работ П. Сорокина и использует философско-правовой подход для деконструкции традиционных представлений о власти. В качестве источников используются труды классиков социологии и философии права, а также современные исследования, посвященные феномену власти в различных социальных контекстах.

Результаты и обсуждение. Основной акцент сделан на анализе ключевых понятий, связанных с властью, таких как влияние, стремление к власти, подчинение, подавление воли и зависимость. Исследуется, как личный опыт переживания этих понятий, формирует индивидуальное и коллективное восприятие власти, а также влияет на создание и трансформацию социальных норм и правил.

Заключение. Делается вывод о принципиальном различии между властью, проявляющейся в повседневной жизни человеческого общества и функционирующей в институтах гражданского общества и государственной власти, определяемой и регулируемой существующей системой управления. Подчеркивается, что понимание власти как совокупности уникальных переживаний позволяет более глубоко осмыслить ее природу и последствия для социального порядка и индивидуальной свободы.

Ключевые слова: власть, государство, уникальные переживания, источники управления, регулирующие правила, философия права

Для цитирования: Демидов Г. К., Черных С. И. Власть как совокупность уникальных переживаний: частные проблемы философско-правовой теории // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 41–53. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-41-53.

Original paper

Power as a Set of Unique Experiences: Particular Problems of Philosophical Legal Theory

Gennady K. Demidov¹, Sergey I. Chernykh²✉

^{1, 2}Novosibirsk State Agricultural University, Novosibirsk, Russia

¹demidov-gk.d@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1823-8769>

²✉serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>

Introduction. The article considers an alternative approach to understanding power as a complex socio-legal and philosophical phenomenon. It proposes a step away from the classical legal interpretation of power, which presents it as a system of legal norms that form state institutions, and a transition to understanding power as a set of unique experiences (experiences) that underlie the formation of regulatory rules.

Methodology and sources. The study is based on the analysis of the works of P. Sorokin and uses a philosophical and legal approach to deconstruct traditional ideas about power. The sources used are the works of classics of sociology and philosophy of law, as well as modern studies devoted to the phenomenon of power in various social contexts.

Results and discussion. The main focus is on the analysis of key concepts related to power, such as influence, desire for power, submission, suppression of will and dependence. It is investigated how personal experience of these concepts shapes individual and collective perceptions of power, and also influences the creation and transformation of social norms and rules.

Conclusion. A conclusion is made about the fundamental difference between power, manifested in the everyday life of human society and functioning in the institutions of civil society, and state power, determined and regulated by the existing system of governance. It is emphasized that understanding power as a set of unique experiences allows for a deeper understanding of its nature and consequences for social order and individual freedom.

Keywords: power, state, unique experiences, sources of governance, regulatory rules, philosophical rights

For citation: Demidov, G.K. and Chernykh, S.I. (2025), "Power as a Set of Unique Experiences: Particular Problems of Philosophical Legal Theory", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 41–53. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-41-53 (Russia).

Введение. Проблема власти, будучи фундаментальной для философии, права и социальные теории, на протяжении веков неизменно привлекала внимание мыслителей. Традиционно власть рассматривалась как институционализированный феномен, воплощенный в системе правовых норм и государственных органов. Эта классическая юридическая трактовка, уходящая корнями в работы таких авторитетов, как Ганс Кельзен («Чистое учение о праве»), представляла власть как пирамиду норм, вершиной которой считался Основной Закон, его основная норма, легитимизирующая всю правовую систему. В этом подходе главными определялись формальные институты, механизмы легитимности и принуждения, при этом вне внимания оставались субъективный опыт индивида, его переживания, связанные с властью.

Однако с развитием постклассической философии, психологии и социологии все более очевидной стала ограниченность подобного рационалистического подхода. Власть перестает быть исключительно объективным, внешним феноменом, а все более и более представляется как сложное переплетение различных институтов и, что особенно важно, индивидуальных

переживаний. Как справедливо отмечает Мишель Фуко в своих работах («Надзирать и наказывать», «Воля к знанию»), власть пронизывает все социальное пространство, проявляясь не только в вертикальных отношениях господства и подчинения, но и в практиках повседневной жизни, формируя наши представления о себе и об окружающем мире.

В этом смысле возникает необходимость ее переосмысления не только как системы правовых норм, но и как совокупности уникальных переживаний, формирующих основу регулирующих правил и социальных практик. Этот альтернативный подход предлагает сместить центр внимания с формальных институтов на субъективный опыт индивида, на его восприятие, осознание и переживание власти. Переход к подобной парадигме, не отрицая важности юридической трактовки, дополняет ее, обогащая специфику понимания особенностей власти и властеотношений, делая их более полными и многогранными.

Идея о значимости субъективного опыта в понимании власти не нова. Еще в работах русских религиозных философов, таких как Николай Бердяев («Философия свободы»), подчеркивалась важность духовного выбора и личной ответственности в отношении власти. Ученый утверждал, что власть, не опирающаяся на внутреннюю свободу и духовные ценности, неизбежно вырождается в тиранию. Федор Достоевский в своих произведениях глубоко исследовал психологические аспекты власти, показывая, как она влияет на моральный облик человека, провоцируя искушение вседозволенности и жестокости («Преступление и наказание», «Бесы»). В зарубежной литературе экзистенциальная философия, представленная Жаном-Полем Сартром и Альбером Камю, акцентировала внимание на индивидуальной свободе и ответственности в условиях абсурдности существования. Переживание бессмысленности и отчуждения, характерное для эпохи модерна, оказывает непосредственное влияние на восприятие власти, порождая бунт против любых форм угнетения и контроля. Анна Арендт, подвергая анализу феномен тоталитарной власти в работе «Истоки тоталитаризма», показала, как власть манипулирует сознанием людей, лишая их возможности критического мышления и индивидуального переживания.

Таким образом, предлагаемые к пониманию власти подходы как совокупности уникальных переживаний опираются на широкий спектр философских и социально-гуманитарных исследований, которые требуют отказа от упрощенных представлений о власти как исключительно внешней силе и предлагают углубиться в изучение субъективного опыта индивида, его переживаний, связанных с властью, ее восприятия и осознания ее влияния на свою жизнь. Только в этом случае мы сможем приблизиться к более полному и многогранному пониманию этого сложного социально-правового и философского феномена.

Методология и источники. В рамках исследования феномена власти как совокупности уникальных переживаний методология строится на философско-правовом подходе по примеру П. Сорокина, который стремился деконструировать общепринятые взгляды на власть. В качестве источников используются труды классиков социологии, таких как М. Вебер, видевший власть как вероятность реализации своей воли вопреки сопротивлению, и философии права Г. Кельзена, анализировавшего власть через призму нормативной системы. Такой подход позволяет, опираясь на идеи Н. Бердяева, рассмотреть власть не только как социальный институт, но и как феномен, глубоко укорененный в индивидуальном опыте и переживаниях. Современные исследования феномена власти в различных социальных контекстах

дополняют эту базу, позволяя сформировать многогранное понимание власти. Методологический синтез классических и современных работ вкупе с философско-правовым анализом является ключом к раскрытию частных проблем в понимании власти.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показывают, что субъективное переживание влияния, стремления к власти, подчинения, подавления воли и зависимости играют важную роль в формировании индивидуального и коллективного понимания власти, определяя отношение к социальным нормам и институтам. Аналитические изыскания в области переживаний позволяют углубить философско-правовую теорию, выявляя сложные взаимосвязи личного опыта и формирования властных отношений в обществе.

Однако постоянно возникающий вопрос о том, что такое власть, продолжает волновать умы многих ученых и имеет множество различных определений. При этом до сих пор в современной юридической литературе не найдено универсальное определение, применимое к любому конкретному случаю. К примеру, в одной из работ В. Е. Гусев систематизировал различные мнения о понятии власти и представил их как конвергенцию схожих по содержанию идей, заключив, что уникальность власти определяется ее природой [1]. По его мнению, власть представляет собой иллюзорный фантом, некую загадку, которую еще предстоит разгадать. С этим мнением сложно не согласиться. Многие исследователи соглашались с тем, что власть можно понимать как систему правовых норм, институционализированную в государственных органах и определяющую их компетенцию. Однако, внимание к индивидуальным переживаниям как источнику власти остаётся недостаточным. Представляется, что именно уникальный опыт отдельных индивидов формирует потребность в создании нормативной системы, регулирующей общественные отношения и обеспечивающей социальную стабильность.

Важно отметить, что понимание власти как совокупности переживаний не является чем-то новым. Оно было предложено еще в начале XX в. российским философом и политологом П. А. Сорокиным. Однако, несмотря на это, многие аспекты понимания власти как совокупности переживаний остаются недостаточно изученными. Это означает, что дальнейшие исследования в этой области могут привести к более глубокому пониманию власти и ее влияния на общество.

Российские философы и политологи предлагают различные подходы к пониманию власти как совокупности переживаний. Например, известный философ и политолог А. Дугин рассматривает власть как «энергию воли», которая проявляется в различных формах – от государственной власти до власти семьи или дружеского круга. Он считает, что власть – это не просто инструмент управления, но и источник энергии, который может быть использован как для созидания, так и для разрушения [2].

Другой российский философ и политолог, С. Градировский, предлагает свою версию социологического подхода к пониманию власти как совокупности переживаний. Он считает, что власть – это результат взаимодействия различных социальных групп и институтов, которые формируют определенные нормы и ценности. Эти нормы и ценности в свою очередь влияют на то, как люди воспринимают власть и как они к ней относятся [3].

Российские политологи часто обращают внимание на то, что власть как совокупность переживаний может быть как конструктивной, так и деструктивной. Конструктивная власть

способствует развитию общества, укреплению социальных связей и формированию позитивного восприятия власти. Деструктивная власть, напротив, может привести к конфликтам, разрушению социальных связей и формированию негативного восприятия власти.

В исследованиях В. Г. Богомякова и Р. А. Бурханова рассматриваются различные концептуальные подходы к пониманию природы власти через определения:

– реляционистского подхода (теории взаимозависимости и влияния), в котором власть рассматривается как межличностный и ситуативно-обусловленный процесс, возникающий в результате асимметричной взаимозависимости между индивидами или группами. Она проявляется не как статичное свойство субъекта, а как динамика влияния, в которой действия одного актора, обладающего большими ресурсами, знаниями, легитимностью и т. п., модифицируют поведение, убеждения или возможности другого актора. Ключевым элементом является восприятие власти как таковой и готовность подчиняться или принимать влияние. Этот подход подчеркивает важность договорных отношений, переговоров и коммуникации, где распределение власти влияет на исход процесса. Он также актуален в контексте трудового права и отношений «начальник–подчиненный», где правовая система пытается сбалансировать асимметрию власти. Реляционизм акцентирует внимание на этике ответственности и взаимного уважения в отношениях власти. Он ставит вопрос о легитимности власти и необходимости ее ограничения для защиты прав и свобод более слабых акторов;

– коммуникативного подхода, в котором власть понимается как способность формировать и направлять дискурс внутри институциональной среды с целью достижения консенсуса и социальной интеграции. Она реализуется через убеждение, аргументацию, создание общей идентичности и ценностей. Истинная власть заключается не в принуждении, а в умении создавать механизмы доверия и сотрудничества посредством эффективной коммуникации и трансляции норм. Этот подход важен для понимания законотворчества, публичного управления и роли СМИ в формировании общественного мнения. Законность определяется не только формальным соблюдением процедур, но и открытостью и прозрачностью процесса принятия решений, а также возможностью для граждан участвовать в дискуссии. Коммуникативный подход в философском контексте основывается на принципах рационального дискурса (Ю. Хабермас) и стремится к созданию идеального речевого сообщества, где все участники имеют равные возможности для выражения своего мнения и достижения взаимопонимания;

– постструктуралистского подхода (М. Фуко и П. Бурдьё), предопределяющего то обстоятельство, при котором власть рассматривается как вездесущая и имперсональная сеть дискурсивных практик и социальных структур, формирующих субъективность и определяющих границы возможного действия. Она не принадлежит конкретному субъекту и не может быть экспроприрована. Власть проявляется как дисциплинарный механизм, нормализующий поведение и производящий знания, а также как символическое насилие (П. Бурдьё), воспроизводящее социальное неравенство через навязывание определенных вкусов, ценностей и культурных кодов. Действие здесь выступает как сопротивление этим структурам, а не как прямая борьба за власть. Этот подход в юридическом смысле критически анализирует роль права как инструмента дисциплинирования и контроля, а также как механизм воспроизводства социального неравенства. Подчеркивается необходимость деконструкции правовых норм и практик для выявления скрытых отношений власти. При этом в философском

смысле, постструктурализм ставит под сомнение традиционные представления о субъекте, свободе воли и рациональности. Он акцентирует внимание на роли дискурса и социальных структур в формировании идентичности и поведения, а также на необходимости критического анализа властных отношений во всех сферах жизни;

– структурно-функционального и системного подходов, в которых власть рассматривается как необходимая функция социальной системы, обеспечивающая ее стабильность, интеграцию и достижение общих целей. Она распределена между различными институтами и ролями в соответствии с их функциональной значимостью. Власть определяется не только формальными полномочиями, но и социальным статусом, доступом к ресурсам и организационной структурой. Власть в организации предстает как механизм координации, а также способ распределения ресурсов и влияния. В юридическом контексте такой подход важен для понимания конституционного права, административного права и теории разделения властей. Правовая система рассматривается как инструмент поддержания социального порядка и разрешения конфликтов. Легитимность власти определяется ее эффективностью в выполнении своих функций и соответствием социальным потребностям. В философском определении структурно-функциональный подход определяется как склонный к консерватизму и оправданию существующего порядка вещей. Он может недооценивать роль конфликтов и социальных изменений. Критики отмечают опасность оправдания несправедливого распределения власти на основании ее функциональной необходимости;

– социологического подхода, определяемого в рамках марксистской теории, где власть рассматривается как инструмент классового господства, используемый экономически доминирующим классом (буржуазией) для эксплуатации и подавления других классов (пролетариата). Государство и право рассматриваются как надстройка над экономическим базисом, служащая интересам правящего класса. Власть проявляется через контроль над средствами производства, а также через идеологическое воздействие и принуждение. Марксизм, воспринимаемый с юридической точки зрения, критикует буржуазное право как инструмент легитимации классового неравенства и эксплуатации, подчеркивая необходимость революционного изменения общественных отношений и создания бесклассового общества, где власть будет принадлежать трудящимся. С философской точки зрения – основывается на материалистическом понимании истории и классовой борьбе как движущей силе социальных изменений, ставя вопрос о справедливости и равенстве в распределении ресурсов и власти, а также о необходимости освобождения от угнетения. Здесь становится необходимым четко представлять то обстоятельство, что эти подходы не являются взаимоисключающими. Они представляют собой различные перспективы на сложный феномен власти, которые могут быть использованы в комплексе для более глубокого понимания ее природы и проявлений [4].

В контексте человеческих взаимодействий основное и изначальное состояние власти можно увидеть в подчинении. Более конкретно – это чувство зависимости, которое, в отличие от чувства властвования, более знакомо и доступно каждому. Например, там, где отсутствует подчинение, нет и властвующих субъектов. Однако остается та невидимая сила, которая живет в сознании человека – это невольный страх неизвестности. Осознание этой силы формирует природу человеческого бытия, вызывая чувство зависимости и состояние подвластности, которые являются привычной защитной реакцией на потенциальную опас-

ность. Эту опасность можно нивелировать посредством соблюдения соответствующих предписаний, предусматривающих определенные как писанные, так и неписанные правила поведения в обществе. Такая трактовка власти позволяет более глубоко понять ее фундаментальную роль в формировании социальных отношений и структуре общества.

Государственная власть в данном контексте не является исключением: она воспринимается как сила, основанная на общем сознании общества. В основе природы государственной власти лежит осознание человеком зависимости, т. е. чувство, имеющее многовековой опыт влияния на индивидуумов и большие группы людей. Это чувство укрепляется в их сознании, формируя определенные поведенческие шаблоны, такие как необходимость подчинения. Однако стоит отметить, что существует парадокс властвования меньшинства над большинством, когда попытки принуждения многих могут оказаться неэффективными. Даже при непосредственном физическом воздействии добиться повиновения не удастся, и люди, в которых укоренено чувство необходимости подчинения, могут начать активно сопротивляться попыткам властного принуждения, особенно в случае отсутствия авторитета у правящей элиты. Понятие авторитета включает в себя множество элементов властвования. Считается, что человек рождается свободным, но уже с первых моментов жизни становится зависимым как от окружающей среды, так и от людей рядом, что формирует его двойственность. В процессе познания окружающего мира ребенок, в зависимости от обстоятельств, приобретает навыки взаимодействия и восприятия действительности. Это происходит через участие в психологических взаимодействиях с родными, близкими и другими участниками общения, в процессе чего он осознает необходимость подчинения и элементы власти. Происходят и первичные попытки выбора авторитета, который своим поведением и возможностью подражания, создает некую психологическую реальность, формирующую собственное «Я» человека. Это внутреннее «Я» определяется в контексте власти и подчинения, завися при этом от внешних и внутренних обстоятельств. Здесь важно понимать, что даже под абсолютным влиянием какого-либо авторитета не теряется возможность выражать свою волю. Осознание зависимости всегда сопровождается стремлением закрепить это понимание у окружающих, превращая его в устойчивое желание сделать эту связь неразрывной. Это понимание добавляет власти ценность и становится непреодолимым соблазном для человека.

В действительности богатство и достаток часто ценятся меньше, чем приобретенное влияние и власть. Жажда власти – часть человеческой природы. Благородные амбиции в достижении великих целей во благо всех могут со временем превратиться в тщеславие, ориентированное на вседозволенность и поклонение окружающих. Повышение субъективной значимости и оказываемого влияния, рассматриваемое в качестве фактора, способствующего консолидации авторитета, потенциально может порождать конкурентную среду, характеризующуюся стремлением к доминированию. В рамках такой среды поддержание достигнутого положения может быть обусловлено не только внутренними достижениями, но и перераспределением ресурсов и сфер влияния. Естественное стремление к самоутверждению, проявляющееся в различных формах социального взаимодействия, поддерживается как осознанием необходимости соблюдения иерархических структур, так и стремлением к реализации властных полномочий, что требует детального этического и правового анализа.

Эти устремления формируются во властные отношения, определяющие реализацию власти. К примеру, если рассматривать государство как монополиста в вопросах принуждения,

то это можно оценить как правовой критерий, который подразумевает, что государственная власть несет в себе изначальное значение, не заимствованное ниоткуда и никогда. При этом дистанция между государственной властью и теми, кто подвержен принуждению, носит абстрактный характер. Это осложняется существованием властных отношений внутри семьи, рода и общества, а также переживаниями, связанными с зависимым положением индивида.

Осознание человеком себя как гражданина еще более абстрактно, чем понимание себя как члена семьи, что объясняется нежеланием ассоциировать себя с единством различных групп людей, которые могут быть как неприязненно, так и враждебно настроены. В связи с этим можно заключить, что проблемы, возникающие во взаимодействии государственной власти с личной и общественной свободой, находятся в компетенции исключительно государственной власти. В этой связи уместно привести мнение Л. И. Петражицкого, утверждающего, что «государственная власть является... социально служебной властью. Она не представляет собой “волю”, способную совершать произвольные действия, основанные на грубой силе, а выступает как наделенное определенными лицами общее право распоряжений и воздействия на подвластных для исполнения обязанности по заботе о всеобщем благе» [5, с. 217], при этом неудовлетворяющая таким требованиям государственная организация не может считаться жизнеспособной.

Государство, как и другие институты гражданского общества, включая семью, различные союзы и политические партии, где люди могут чувствовать подавление воли как других, так и их собственной, осознает необходимость введения ограничений властвования и повиновения правовыми рамками. Основное ограничение власти в институтах гражданского общества устанавливается государством, которое защищает своих граждан от недопустимых требований. Правовой характер государственной власти является необходимым условием обеспечения верховенства права в общественных отношениях с государством и его институтами. Важно также отметить концепцию С. А. Котляревского, в которой он свидетельствует: «Власть и право – две стихии государства, хотя и не в одинаковой степени исходные. Однако мы можем пользоваться обычным сравнением права и государства, если не забудем, что право государства – это власть, особым образом квалифицированная, но все же именно власть» [6, с. 457].

Повиновение, как устойчивое состояние, охватывающее каждого из нас, действует постоянным давлением, незаметно напоминая, что ранее мы не испытывали значительных ограничений при взаимодействии за пределами семьи и частных сообществ. Этот момент изменился с образованием государства, что стало отправной точкой утраты первобытных свобод, как можно обоснованно полагать, что навсегда. Однако, анализируя различные причины формирования государств, можно выявить общую тенденцию, заключающуюся в насильственном воздействии на население, как внутреннем, так и внешнем. Эта тенденция имеет корни, отличные от традиционного права, однако она позволяет предложить обоснование, известное как формула, по которой государство, чтобы стать правотворческой силой, должно пройти через стадии, определяемые силой праворазрушающей. Инстинкт самосохранения, побуждающий население подчиняться действующим законам, со временем превращается в основание для сопротивления произволу властей, сопровождающему процесс

становления государственной власти. Население воспринимает воплощение этой власти через установление правовых рамок или юридически оформленных ограничений. Представители власти, оценив объективность этих требований, самостоятельно вводят соответствующие ограничения, именуемые самоограничениями, что помогает снизить недовольство подконтрольных масс. Эти самоограничения касаются действий, способствующих достижению основных государственных целей. Важно отметить, что власть не создает права, и право не является создателем власти; это два самостоятельных явления. В этом контексте государственное самоограничение можно рассматривать как частный случай более широкой проблемы самоограничения.

В истории имеется множество примеров, где человеческий эгоизм выступает в роли ограничителя и побуждает к осмыслению своих поступков. Например, ранее побежденные часто истреблялись, их жилища разрушались, а добычей становилось только захваченное имущество. Затем население, попавшее в плен, превращалось в рабов или использовалось как разменная монета для достижения определенных целей. Со временем оно облагалось данью, принося победителям временную выгоду. Этот несложный этап исторического развития наглядно демонстрирует пути ограничения произвола отдельных правителей и показывает возникновение зачатков взаимосвязи между силой и правом. Однако такая взаимосвязь силы и закона не является равнозначной, так как право не является самоцелью для государства, а его основной сущностью всегда выступает сила. Такая позиция подтверждается высказыванием одного из классиков теории власти и властных отношений: «Слабость власти является смертным грехом государства, менее простительным для его руководителей, чем жестокость и произвол. Государство, обладая абсолютной монополией на принуждение, одновременно является и единственным создателем права. Это и составляет основное различие между нормами права и обычными или моральными нормами: первые обеспечиваются повелительной силой государства, в то время как вторые и третьи – обществом» [7, с. 219–220].

Формальное признание принципа верховенства права не всегда гарантирует его реальное воплощение. Подлинное подчинение власти закону часто оказывается обусловленным тем, насколько это соответствует её представлениям о собственной выгоде и политической целесообразности. Установление правовых рамок самоограничения рассматривается как вынужденная мера в условиях грамотной политики, осуществляемой государственной властью. Принятые при этом нормы зачастую носят индивидуальный характер, первоначально действуя локально. Однако в дальнейшем вводятся акты, предполагающие общее повиновение, что создает порядок, в котором сама государственная власть обязана следовать своим же установкам.

Необходимо учитывать, что соблюдение определенных правовых ограничений не является безусловной обязанностью для всех органов государственной власти, в особенности при реализации конституционных полномочий, прямо делегированных, например, Президенту РФ. Эти ограничения, как правило, устанавливаются законодательно и могут сопровождаться этическими нормами поведения, соблюдение которых презюмируется добросовестностью. При этом, действующая система ограничений не носит абсолютного характера, и ее применение не может привести к коллизии интересов общества и государства, поскольку подобное противоречие способно нанести ущерб участвующим сторонам. В конт-

ексте изложенного важно обратиться к научной позиции, так сформулированной С. А. Котляревским: «Желать, чтобы закон максимально связывал власть, значит поддаться опасному суеверию и забыть об ответственности, возложенной на эту власть. Принцип «*pereat mundus fiat iustitia*» (пусть мир погибнет по справедливости) никогда не станет правилом государственной жизни; её девизом должно стать «*vivat iustitia ut floreat mundus*» (пусть справедливость восторжествует, чтобы мир мог процветать)» [8, с. 34.]. Однако такое понимание может расходиться с объективной целесообразностью, которую можно оценить лишь на протяжении веков, выходя за рамки текущего момента и даже жизненного цикла отдельной личности.

Обретение власти предполагает несоизмеримо большую ответственность: руководствоваться незыблемой, внутренне непротиворечивой логикой, свободной от субъективных порывов и эмоциональных колебаний. Такая внутренняя дисциплина, обусловленная нравственной зрелостью, является более надёжной гарантией справедливости и законности, нежели формальные конституционные установления, чья эффективность неизбежно зависит от личных убеждений и волеизъявления правящей элиты, а не только от принципа разделения властей. Власть требует непогрешимой логики и самоконтроля, превосходящих формальные конституционные гарантии. Только внутренняя дисциплина, свободная от личных желаний, способна обеспечить справедливость, поскольку конституции реализуются людьми, чьи убеждения и воля могут оказаться сильнее принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Государство в современном мире все отчетливее проявляется не только как инструмент принуждения, но и как сложная система правового регулирования. Восприятие государственной власти обществом неотделимо от осознания ее роли в обеспечении законности и правопорядка. Аксиомой политической мысли является утверждение, что разделение властей, сформулированное еще М. Монтескье, обусловлено недостаточной эффективностью внутренних механизмов самоконтроля властных институтов. Исходя из антропологической константы о подверженности человека злоупотреблениям, предоставленная возможность использовать власть в личных целях с высокой вероятностью будет реализована. Эта фундаментальная дилемма, имеющая метаюридическую природу, требует своего разрешения для глубокого осмысления права в контексте государственного строительства.

Современные тенденции подтверждают убеждение о взаимосвязанности государства и права. Эта убежденность, варьирующаяся по интенсивности в различных общественных группах, отражается в дифференцированных уровнях правовой ответственности, возлагаемой на государство. По мнению Георга Еллинека, признание государства правовым субъектом требует наличия у граждан субъективных публичных прав; в противном случае оно рискует остаться исключительно инструментом грубой силы («*ein reines Machtsubjekt*» – дословно «субъектом чистой власти»). Идея правового самоограничения государства часто сравнивается с способностью личности к самодисциплине и добровольному подчинению нормам автономного морального закона, устанавливаемым ею самой.

В эпоху развитых государственных институтов власть и право настолько тесно взаимосвязаны, что их четкое разграничение возможно, скорее, в теоретической плоскости, чем на практике. При этом, несмотря на интеграцию, важно помнить об их различных генезисах,

поскольку именно динамичное взаимодействие этих элементов определяет сущность государственного устройства.

Правовое государство не сводится к простому созданию правовых норм, иначе это понятие стало бы универсальным для любого государственного образования. Его отличительной чертой является формирование и развитие специализированной области права, отличной от общего правового поля. Речь идет не о гражданском, уголовном или публичном праве (где акцент делается на общественные отношения, а не на государственную собственность), а о праве управления в широком понимании, охватывающем все аспекты государственного регулирования. В этой связи исследователи, анализируя наследие Лоренца фон Штейна, акцентируют внимание на его ключевой идее: «в современных европейских обществах уже достигнуто согласие по основным чертам свободного государственного устройства; великий вопрос ближайшего будущего касается существа свободного управления, т. е. отношения исполнительной власти к законодательной, указа к закону» [9, с. 15]. Правовое государство предполагает создание системы, в которой власть государственных органов ограничена рамками закона, что считается необходимым условием для перехода к новому этапу развития государственности. Эта система строится на балансе между государственным управлением, самоуправлением граждан и обеспечением неприкосновенности прав личности. Фундаментальная идея правового государства заключается в том, чтобы правовые нормы и принципы служили сдерживающим фактором для государственной власти, гарантируя при этом автономность закона, свободу самоуправления и соблюдение прав каждого человека. Таким образом, концепция правового государства предполагает приоритет закона и его использование в качестве инструмента защиты прав и свобод граждан от произвола государственной власти.

Заключение. Необходимо констатировать, что в итоге выполненного анализа установлено фундаментальное различие между властными отношениями, пронизывающими ткань повседневной жизни и деятельность институтов гражданского общества, и государственной властью, чья природа обусловлена и регламентирована действующей системой управления. Акцентируя внимание на власти как комплексе уникальных субъективных переживаний, получаем возможность углубиться в суть понимания ее влияния на социальную структуру и личную свободу индивидуума.

Важно подчеркнуть, что рассмотрение концепций власти и права, а также их взаимосвязи с государственностью, обусловлено стремлением продемонстрировать принципиальную разницу между властью, циркулирующей в обществе и реализуемой через институты гражданского общества, и властью государственной. Последняя, в отличие от первой, опирается на систему правовых норм и инструментов, создаваемых и применяемых аппаратом управления.

В контексте правового государства ключевым принципом является верховенство закона, реализуемое посредством конституционных и административных механизмов. Это обеспечивает всепроникающее влияние закона на все уровни государственного управления и утверждает существование унифицированной публично-правовой системы в стране. Таким образом, анализ позволил не только разграничить различные формы власти, но и подчеркнуть ключевую роль правовых институтов в обеспечении баланса между властью и свободой в современном государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев В. Е. Власть и публичная власть: конвергенция идей // Молодой ученый. 2009. № 12 (12). С. 324–326.
2. Дугин А. Г. Четвертый путь. Введение в четвертую политическую теорию. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2015.
3. Градировский С. Н., Межуев Б. В. «Глобальное гражданство» и пределы демократизации // Политическая наука. Власть и демократия в условиях глобализации. 2004. Вып. 1, № 1. С. 22–29.
4. Богомяков В. Г., Бурханов Р. А. Власть, политика, государство: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2014.
5. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909–1910. Т. 1.
6. Кривенцова А. В. Теоретические аспекты государства, власти, права в концепции С. А. Котляревского // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 2 (58). С. 455–458.
7. Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6 (82). С. 210–220.
8. Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1915.
9. Утяшев М. М. Высшая форма государства – правовая // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 2 (28). С. 7–19.

Информация об авторах.

Демидов Геннадий Константинович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Новосибирского государственного аграрного университета, ул. Добролюбова, д. 160, Новосибирск, 630039, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория и история государства и права, государственного управления и администрирования процессов управления в органах государственной власти и государственных органах, философия науки, история науки, философия сознания, моральная философия.

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук (2012), доцент (1992), заведующий кафедрой истории и философии Новосибирского государственного аграрного университета, ул. Добролюбова, д. 160, Новосибирск, 630039, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, история науки, философия сознания, моральная философия, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.02.2025; принята после рецензирования 25.03.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Gusev, V.E. (2009), "Power and public authority: convergence of ideas", *Young scientist*, no. 12 (12), pp. 324–326.
2. Dugin, A.G. (2015), *Chetvertyi put'. Vvedenie v chetvertuyu politicheskuyu teoriyu* [The Fourth Way. Introduction to the Fourth Political Theory], 2nd ed., Academicheskyy proekt, Moscow, RUS.
3. Gradirovsky, S.N. and Mezhuev, B.V. (2004), "'Global Citizenship' and the Limits of Democratization", *Political Science. Power and Democracy in the Context of Globalization*, iss. 1, no. 1, pp. 22–29.
4. Bogomyakov, V.G. and Burkhanov, R.A. (2014), *Vlast', politika, gosudarstvo* [Power, Politics, State], 2nd ed., corrected. and add., Izd-vo Nizhnevartovskogo gos. un-ta, Nizhnevartovsk, RUS.
5. Petrazhitskii, L.I. (1909), *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nrvstvvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality], 2nd ed., corr. and add., vol. 1, Tip. T-va "Ekaterringofskoe pechatnoe delo", SPb., RUS.

6. Kriventsova, A.V. (2008), "Theoretical aspects of state, power, law, in S.A. Kotlyarevskys conception", *Tambov Univ. Review: Series Humanities*, no. 2 (58), pp. 455–458.

7. Kotlyarevsky, S.A. (2021), "Power and law: the problem of the law-governed state", *Courier of Kutafin Moscow State Law Univ. (MSAL)*, no. 6 (82), pp. 210–220.

8. Kotlyarevsky, S.A. (1915), *Vlast' i pravo: problema pravovogo gosudarstva* [Power and Law: the Problem of the Rule of Law], Published by G.A. Lehman and S.I. Sakharov, Moscow, RUS.

9. Utyashev, M.M. (2012), "The highest form of state is rule-of-law", *The rule-of-law state: theory and practice*, no. 2 (28), pp. 7–19.

Information about the authors.

Gennady K. Demidov – Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State Agricultural University, 160 Dobrolyubova str., Novosibirsk 630039, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: theory and history of state and law, public administration and administration of management processes in government bodies and government agencies, philosophy of science, history of science, philosophy of consciousness, moral philosophy.

Sergey I. Chernykh – Dr. Sci. (Philosophy, 2012), Docent (1992), Head of the Department of History and Philosophy, Novosibirsk State Agricultural University, 160 Dobrolyubova str., Novosibirsk 630039, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, history of science, philosophy of consciousness, moral philosophy, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.02.2025; adopted after review 25.03.2025; published online 19.06.2025.